

Нахлынувшее чувство узнавания было настолько сильным, что у Линь Ци закружилась голова.

— Проголодался? — голос Мэн Хуэя доносился словно издалека. — Погоди здесь, я принесу что-нибудь перекусить.

Как только тот ушёл, Линь Ци, тяжело опираясь на колонну, медленно сполз на корточки. В голове царил полный хаос: интонации, слова, даже само построение фраз — всё это казалось до боли знакомым. Словно он уже слышал это... когда-то и где-то в другой жизни.

Руки юноши мелко дрожали, и он крепко сцепил пальцы в замок, пытаясь унять эту дрожь. Мысли путались, превращаясь в неразличимый шум, настолько плотный, что он даже не заметил, как Мэн Хуэй вернулся и коснулся его плеча.

— Линь Ци? Цици?

Видя, что тот не реагирует и смотрит в пустоту остекленевшим взглядом, мужчина нахмурился и легонько встряхнул его:

— Что с тобой? Совсем от голода рассудок потерял?

Линь Ци перевёл на него взгляд, почувствовал, как к лицу прилила кровь, и мир перед глазами окончательно померк.

«Шисюн, ты можешь использовать любые способы, чтобы причинить мне боль...»

«Я не возражаю, только не вини себя».

«Я лишь хочу... чтобы ты жил. Позволь мне быть рядом — в любой роли. Пусть без любви, мне хватит и того, что мы соученики».

«Я никогда... тебя не покину».

Нежный голос обволакивал, звуча то тихим шёпотом, то глубоким вздохом — печальный, решительный и полный отчаяния.

Линь Ци резко открыл глаза.

— Ну как ты? — Мэн Хуэй, не отходивший от него ни на шаг, тут же подался вперёд и приложил ладонь к его лбу. — Почему не ешь вовремя? Сахар в крови упал, сознание потерял. Раньше за тобой такого не водилось, — в его голосе слышался упрёк, за которым скрывалась искренняя тревога.

Линь Ци медленно моргнул. Зрение ещё не до конца восстановилось, и в этой дымке лицо собеседника на мгновение слилось с другим образом — зыбким, едва уловимым, но до боли родным.

— Чэнъин... — невольно сорвалось с его губ.

Мэн Хуэй замер.

Выражение лица Линь Ци в этот момент было полно такой нежности и привязанности, а в уголках губ застыла такая слабая, едва заметная улыбка, что этот зов, обращённый к любимому человеку, острой иглой вонзился в самое сердце Мэн Хуэя.

Значит, такой человек и правда существует.

— Это я, — тихо произнёс тот, убирая руку.

Линь Ци снова зажмурился и на этот раз открыл глаза уже окончательно. Перед ним был белый потолок палаты, капельница в вене и сосредоточенный, внешне спокойный Мэн Хуэй.

— Брат Хуэй... — пробормотал юноша.

— Угу. Гипогликемия, — Мэн Хуэй сцепил пальцы, стараясь унять внутреннюю бурю. — Стоило мне отвернуться, как ты совсем забросил еду?

Линь Ци страдальчески застонал:

— Я просто забыл.

— Отныне я буду звонить тебе по часам. Будешь есть как миленький, нельзя так доводить организм, — Мэн Хуэй потянулся было, чтобы взъерошить волосы друга, но в последний момент передумал и опустил руку. — Я принесу воды.

Линь Ци провожал его взглядом, и в глубине его сознания та самая вспышка, которую он так долго не мог поймать, наконец обрела чёткие очертания.

«Система, скажи, — мысленно позвал он. — Бывает ли так, чтобы в малых мирах один и тот же

человек переходил из одного сюжета в другой, примеряя на себя разные роли?»

Система по привычке хранила молчание. Она предпочитала не вмешиваться в жизнь подопечного, если дело не касалось напрямую выполнения задач.

На самом деле подобные подозрения посещали Линь Ци и раньше. Знакомый трепет, странное дежавю — эти чувства возникали вспышками, но каждый раз оставались слишком туманными, чтобы за них можно было зацепиться. Порой ему казалось, что он просто слишком тоскует по Ду Чэнъину, а потому ищет его черты в других.

«Я просто слишком по нему скучаю, вот и кажется всякое», — стоило ему заподозрить себя в попытке найти замену, как он тут же безжалостно обрывал эти мысли.

Но разве возможны такие совпадения? Неужели два совершенно разных человека могут вызывать настолько похожий отклик в душе? Даже говорить одни и те же слова?

Сама идея казалась безумной, чем-то из ряда вон выходящим.

Мэн Хуэй вернулся со стаканом воды.

— Выпей.

Линь Ци приподнялся на локтях и принялся внимательно разглядывать друга. Чисто внешне тот ничем не напоминал Ду Чэнъина: если Ду Чэнъин обладал утончённой, почти неземной красотой, то Мэн Хуэй был широкоплечим, крепким, с волевыми, резкими чертами лица. Два абсолютно разных типажа.

Широкая ладонь бережно поддержала его за плечо, и Мэн Хуэй поднёс стакан к его губам:

— Пей.

Линь Ци сделал несколько глотков, не переставая мучиться сомнениями. Стоило зерну подозрения упасть в благодатную почву, как ему начало казаться, что даже то, как Мэн Хуэй поит его, до странности напоминает жесты Ду Чэнъина. В голове воцарился полный беспорядок.

Напившись, он снова лёг, но взгляд его продолжал неотступно следовать за другом. Тому стало не по себе под этим пристальным взглядом.

— Что-то не так?

— Ничего... — заторможенно отозвался Линь Ци. — Просто смотрю.

Мэн Хуэй сидел молча, и под этим сосредоточенным взглядом его уши начали медленно краснеть. Он негромко откашлялся и опустил глаза:

— Не пойми меня неправильно. Я не собираюсь давить на тебя своими чувствами или ждать какого-то ответа.

«Ду Чэнъин говорил почти то же самое», — пронеслось в голове у Линь Ци.

Голова разболелась невыносимо. Он закрыл глаза и принялся раз за разом взывать к Системе.

«Чего орёшь? — наконец отозвалась та с явным раздражением. — Не видишь, я занята? У меня тут катка в самом разгаре».

«...» — Линь Ци на миг лишился дара речи. С каких это пор Система променяла просмотр фильмов на видеоигры?

Впрочем, сейчас это было неважно.

«Система, у меня... у меня возникла одна мысль. Наверное, глупая».

«Раз глупая, то и не высказывай».

«Мне кажется... кажется, что Мэн Хуэй и Ду Чэнъин — это один и тот же человек».

«И это всё? — фыркнула Система. — Обычные фантазии. Хочешь мужика — заводи, не надо искать для этого столько оправданий. Бывай».

«...»

— Капельница закончилась, я отвезу тебя назад, — произнёс Мэн Хуэй. — И чтобы в последний раз такое видел.

Линь Ци лишь коротко отозвался, не открывая глаз.

Несмотря на скепсис Системы, безумная идея, поселившаяся в сердце, разрасталась подобно сорной траве. Линь Ци продолжал допытывать Систему вопросами, пытаясь выяснить, есть ли

способ проверить его догадку.

В конце концов, Система, которой это изрядно надоело, бросила небрежно:

«Почувствуй сердцем. А если не поможет — почувствуй телом. Проверь, совпадает ли частота вибраций, та же ли форма... ну, ты понимаешь».

«...»

Будь Линь Ци прежним, он бы сгорел от стыда, не зная, что ответить на такую грубость. Но нынешний Линь Ци не сдавался. Выдержав паузу, он продолжил свою атаку на сознание Системы.

«Вообще-то, — нехотя начала та, — в теории подобное невозможно».

«А если на практике?» — тут же зацепился он.

«В исключительных случаях, — нехотя пояснила Система, — при крайне малой вероятности... когда в мирах не хватает „актёров“, один и тот же исполнитель может брать подработку».

Линь Ци не слушал дальнейших оговорок. Сердце его радостно подпрыгнуло, и он даже перекувыркнулся на своей кровати, чем неслабо напугал Кэ Сиюя.

— Ты чего? Рожать собрался? — вытаращился тот.

Линь Ци не обратил на него внимания, продолжая допрос:

«И как мне убедиться, что это он?»

«Сердцем или телом, я же не вру. Пошевели мозгами и вспомни — когда я тебя обманывала?»

В глубине души Линь Ци уже верил, что это правда. После слов о «подработке» его уверенность выросла процентов до восьмидесяти. Оставалось лишь окончательно подтвердить догадку, ведь если он ошибся и просто проецирует свои чувства на другого человека — это было бы ужасно.

Что же касается «проверки телом»... Линь Ци и верил, и сомневался одновременно, не решаясь на такой шаг. Он снова принялся изводить Систему расспросами.

Система ничего не боялась так сильно, как нудных причитаний Линь Ци, а потому сдалась:

«Предупреждаю сразу: не вздумай из-за своей личной жизни завалить миссию. Вероятность крайне мала, понимаешь? Тебе ещё по многим мирам бегать».

«Я всё понимаю, буду слушаться во всём, только скажи!»

«Все вы, синтетика, такие: пока что-то нужно — шелковые, а как получите своё — и знать не хотите, — проворчала Система. И нехотя добавила: — Просто поцелуй его, и сам всё поймёшь».

«Правда?»

«Повторяю в последний раз: мне лень тебе врать. Только помни — должен произойти обмен жидкостями».

Линь Ци наконец густо покраснел.

Поцеловать... А если это не он? Как он тогда посмотрит в глаза Мэн Хуэю? Это разрушит ту идеальную дистанцию, которую они так долго выстраивали. Линь Ци промучился полночи, глаза покраснели от бессонницы, но решение так и не пришло. На следующее утро он сполз с кровати, пошатываясь от усталости. Кэ Сиюй, увидев его, так и застыл:

— Ты что, всю ночь пил без меня?

— Нет... — вяло отозвался Линь Ци. Но стоило его ноге коснуться пола, как в голове словно что-то звякнуло.

— Сяо Юй!

Кэ Сиюй, как раз собиравшийся отхлебнуть воды, поперхнулся:

— Чего орёшь?!

— Ничего, — Линь Ци, сияя покрасневшими глазами, с восторгом показал другу два больших пальца. — Ты лучший, Сяо Юй!

Он радостно подпрыгнул на месте и, что-то весело напевая, пошёл переодеваться. Кэ Сиюй лишь удивлённо вытер подбородок:

— Точно пьяный.

План созрел, оставалось лишь воплотить его в жизнь. Однако на практике Линь Ци столкнулся с препятствиями, которых никак не ожидал.

— Брат Хуэй, может, выпьем как-нибудь на досуге? — предложил он по телефону.

— Выпьем? — в голосе Мэн Хуэя послышался строгий укор. — Это кто тебя такому научил? Не вздумай даже, нечего дурные привычки заводить.

— Ну, тогда просто пообедаем вместе?

— Я сейчас очень занят, давай как-нибудь потом.

Линь Ци пришлось смириться.

Занятость Мэн Хуэя растянулась на добрый месяц. Линь Ци начал подозревать, что тот намеренно его избегает.

И он не ошибался.

То единственное слово «Чэнъин» до основания разрушило последнюю крепость в душе Мэн Хуэя. Ему требовалось время, чтобы собрать себя по кускам и снова научиться смотреть Линь Ци в глаза с привычным спокойствием. Он не хотел, чтобы тот видел его боль и разочарование.

В университете как раз начался период практики, и Мэн Хуэй устроился помощником к одному из старших сокурсников. Работа над проектом спортивного комплекса требовала постоянного присутствия на объекте — с раннего утра до поздней ночи он пропадал на стройплощадке.

— Архитектурный, говоришь... звучит красиво, а на деле — целыми днями в пыли и бетоне копаешься, — усмехнулся старший сокурсник, уплетая обед из контейнера. Повернувшись к Мэн Хуэю, он добавил: — Ты-то зачем сюда пошёл? С твоими-то баллами любая специальность была открыта.

Мэн Хуэй поправил пыльную каску. Его лицо, заметно загоревшее под палящим солнцем, приобрело глубокий бронзовый оттенок. Он посмотрел на заходящее солнце и негромко ответил:

— Я хочу построить дом для одного человека.

Собеседник едва не поперхнулся:

— Вот те на! С виду такой суровый парень, а в душе — неисправимый романтик.

Мэн Хуэй с усмешкой взглянул на него:

— Имеешь что-то против романтиков?

— Да нет, — замахал руками тот. — Наоборот, уважаю. Сильно.

— Сильно? — Мэн Хуэй горько усмехнулся. — Скорее, глупо.

Старший лишь покачал головой:

— Нет, брат, это по-мужски. Снимаю шляпу.

Линь Ци только вышел из душа, когда Кэ Сиюй, валявшийся на кровати с книгой, крикнул ему:

— Твой телефон уже раз пять звонил, посмотри скорее.

— Угу, — Линь Ци, продолжая вытирать волосы полотенцем, взял трубку и, увидев пропущенный, тут же перезвонил.

— Алло.

— Да-да, это я.

— Где вы? Хорошо, сейчас буду.

Запихнув телефон в карман, Линь Ци бросил полотенце и выбежал из комнаты, даже не досушившись. Кэ Сиюй приоткрыл занавеску и пробормотал себе под нос:

— Совсем плохой стал.

В такси Линь Ци не находил себе места от волнения:

— Водитель, можно побыстрее?

— Эх, молодёжь, вечно вы куда-то летите, — неспешно отозвался тот. — Знаки не видишь? Ограничение скорости.

Линь Ци сжимал телефон, колено его нервно подрагивало, а в висках стучало от напряжения. Когда машина наконец притормозила у уличных рядов с закусочными, он быстро расплатился

и выскочил наружу. Под одним из тентов он заметил знакомую фигуру. Рядом с Мэн Хуэем сидел незнакомый парень.

— Старший соученик Чжан? — окликнул его Линь Ци.

— А, Линь Ци? Да, я тебя знаю, — отозвался тот с заметным облегчением. — Ну и слаб же он на выпивку: две бутылки пива — и в ауте.

— Всё в порядке, я... я позабочусь о нём, — голос Линь Ци подрагивал от смеси возбуждения и страха.

— Вот и ладно, — Чжан поднялся. — Я уже за всё заплатил, забирай его. Бедолага совсем на стройке измотался, спит на ходу.

Линь Ци кивнул и, подхватив Мэн Хуэя под руку, перекинул его ладонь через своё плечо.

— Твой брат, кажись, из-за несчастной любви запил, — добавил Чжан напоследок. — Утешь его там.

Линь Ци замер, не зная, что ответить, и лишь невнятно пробормотал слова благодарности.

Когда сокурсник ушёл, Линь Ци глубоко вдохнул и тихо позвал:

— Брат Хуэй, ты меня слышишь?

Мэн Хуэй не открывал глаз, лоб его был прорезан глубокой складкой — он явно был в глубоком забытьи.

Линь Ци перевёл взгляд на его губы. Они были чётко очерченными, не слишком тонкими и не чересчур полными, с едва заметным выступом посередине, придававшим его лицу оттенок упрямства и непокорности.

Юноша осторожно огляделся. Они сидели в тени деревьев, за соседними столиками посетители были заняты своими разговорами и хмельным весельем, не обращая на них ни малейшего внимания.

В воздухе витал запах алкоголя, смешанный с гулом голосов. Сердце Линь Ци бешено колотилось. Он понимал: сейчас или никогда. А вдруг тот вот-вот проснётся?

Была не была! Линь Ци, собрав всю свою волю, склонился и впился в губы Мэн Хуэя.

Он не заметил, как в тот самый миг, когда их губы соприкоснулись, брови Мэн Хуэя едва уловимо дрогнули.

<http://bllate.org/book/15815/1435956>